

ср. макед. *Ja спаси кожата* 'спасти свою жизнь, выйти целым и невредимым', 'унести ноги' (отметим, что рус. *спасти свою кожу* имеет несколько иную семантику и прагматику).

Языковой образ кожи/шкуры тесно связан с этнографическим – как «материальным», бытовым, так и ритуально-символическим. Словесное описание магического акта (с применением кожи) может порождать фразеологию: так, болгарское выражение *наложили го в кожи* 'он сильно избит, весь в синяках' отражает народно-медицинский прием лечения от ушибов, когда с овцы сдирают кожу и заворачивают в нее ударенного.

В ритуальных практиках кодируются различные свойства кожи и шерсти, которые актуализируют многообразную символику и функциональную направленность обрядов. Шкуры – распространенная «одежда» ряженых, что акцентирует связь с потусторонним миром; на шкуры садятся во время гаданий, пытаются установить контакт с нечистой силой; шкура, на которой сидят молодожены за свадебным столом, символизирует плодородие и благополучие; и т. п. Особые магические действия с кожей младенца способны запрограммировать ее «правильный» запах и цвет (ср. южнославянский ритуал соления младенца). Воздействие же на кожу умерших (прокалывание пяток, протыкание осиновым колом для нарушения целостности кожного покрова) ставит своей целью предотвратить превращение их в ходячих покойников и вампиров.

В языке, фольклоре и ритуально-обрядовой практике находят отражение также визуальный (цвет, наличие/отсутствие высыпаний), одорический («чужие» запахи), тактильный (гладкость/шершавость, отсутствие/наличие волосяного покрова) образы кожи.

М. В. Богачева
Пермь

Отпрозвищные ойконимы как источник аксиологической информации*

1. Рассмотрен один фрагмент языковой картины мира, отражаемой в именах собственных, – в ойконимии Пермского края. В качестве материала для исследования выбраны ойконы, восходящие к лексике тематической группы «Говорение». Говорение – один из наиболее значимых в жизни процессов, что отражается в количественных показателях: выявлено порядка 500 соответствующих топонимов (около 5 % всех названий местных поселений).

2. Исследования Л. М. Васильева, Ф. Л. Скитовой, А. Д. Черенковой и др., а затем

* Исследование выполнено при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» (РНП 2.1.3/483, РНП 2.1.3/2175), РГНФ (проекты №№ 08-04-82404 а/У, 08-04-82408 а/У, 08-04-82410 а/У, 09-04-82403 а/У).

и наши наблюдения над диалектной лексикой и фразеологией говорения показали, что речь для диалектоносителя – прежде всего ценностно ориентированный процесс. Лексические элементы указанной группы могут характеризовать: 1) речь как процесс, 2) продукт речевой деятельности, 3) субъекта речевой деятельности, 4) вне-речевую действительность.

В диалектной фразеологии в первую очередь оценке подвергается собственно речевой процесс и его продукт, в ойконимии – субъект речи. Подобная лексика попадала в географические наименования преимущественно опосредованно – через антропонимические (главным образом прозвищные) наименования.

3. Перечислим основные факторы, обеспечивающие полноценность коммуникации в соответствии с данными фразеологии: информативность, цельность, доступность, логичность, истинность, правдивость, точность, лаконичность (но не скупость на слово), экспрессивность, прагматичность высказывания, отсутствие дефектов речи у говорящего и некоторые другие. Оценочность выражается главным образом через негативные характеристики речевой деятельности; количество лексем, отражающих положительные качества речи или говорящего, относительно невелико, что, по наблюдениям исследователей, в целом характерно для народной номинации человеческих качеств. В антропонимических ойконимах наибольшей критике подвергается многословие, пустословие, лживость, сварливость (и шире – недоброжелательность), несдержанность, крикливость, наличие дефектов речи.

4. Ценностные характеристики говорящего и его речи актуализируются главным образом через оппозиции типа «многословие – молчаливость», «тихо – громко» и т. п., ср.: *Баландина*, *Баланды* из **баланда* 'болтун, пустомеля, праздный человек', *Молчанов* (-а, -о) из **молчан* 'неразговорчивый, молчаливый человек', *Жубры* из **жубра* 'глухо и немо говорящий человек', *Звонари* из **звонарь* 'человек, быстро и громко говорящий', 'болтун, сплетник'. Но при актуализации этих оппозиций наблюдается асимметрия, возникают лексические лакуны. Например, и во фразеологизмах, и в ойконимах отражается понятие грубости (оскорбительности) речи, но игнорируются проявления вежливости; многочисленны наименования пустословов, но нет наименований людей, ведущих содержательные разговоры.

В абсолютном большинстве прозвищ отражается несоответствие требованиям, предъявляемым диалектоносителями к эффективной речи, причем независимо от «направленности» отклонений – в сторону избыточности или недостатка. Отсюда еще одна характеристика именований – экспрессивность.

5. Лексическому полку «Говорение» свойственна экстравертированность (в терминологии Е. Л. Березович) – пересечение с иными семантическими полями. Весьма активна, например, звукоподражательная лексика, ср.: *Алалыкиных* из **алалыка* 'тот, кто непонятно, невнятно говорит, бормочет', *Балалы* из **балала* 'пустослов', *Тараторкино* из **тараторка* 'человек, говорящий быстро, без умолку', *Чушаши* из **чушаи* 'человек, говорящий с характерным призвуком, причмокивая', *Щелкуны* из **щелкун* 'бойкий говорун, болтун'.

6. Семантика лексики, привлекаемой для сопоставления с ойконимами, наталкивает на новые размышления. В частности, в пределах одной лексемы нередко наблюдается наложение отдельных сем или развитие полисемии: *Вотолка*, *Вотолы* из **вотол* (*ватол*) 'болтун; человек, говорящий невнятно', *Дударево* из **дударь*

‘о болтливом и хвастливом человеке’. При этом отмечается регулярный характер взаимодействия некоторых аксиологически значимых признаков речи. Ср. **немко* ‘немой’, ‘заика’, **немта* ‘немой, лишенный дара речи человек’, ‘говорящий невнятно, косноязычный человек’, ‘молчаливый, неразговорчивый’: в пределах одной лексемы соединяются представления о врожденной и приобретенной молчаливости человека, а кроме того, о неправильной речи. Вероятно, это связано с тем, что все три признака социально тождественны, поскольку предполагают отстраненность от жизни, интересов общества.

Именно взаимосвязанные семемы «немота», «дефекты речи» дают, по нашим наблюдениям, наибольшее число производных, ср. *Куимова* из **куим* ‘глухонемой человек’, ‘косноязычный человек’, ‘заика’, ‘молчаливый человек’, ‘нелюдимый, застенчивый человек’, ‘бестолковый человек’. Естественно, что человек с неправильной речью стремится отмалчиваться, а в силу этого сторонится людей (или, что скорее, его сторонятся). Любопытно при этом, что молчаливость и нелюдимость, наряду с болтливостью, рассматривается как проявление интеллектуальной неполноценности (ср. также: *Костарево, Костарева* из **костарь* ‘игрок в кости; искусный игрок в бабки’, ‘болтун, бездельник’, ‘психически больной человек’).

И. В. Бугаева
Москва

Сакральная ономастика в религиозном дискурсе

Имена святых, названия храмов и монастырей, церковных праздников, древних и новых икон – огромная и неизученная область лексики, обладающая общим качеством, отличающим все эти наименования от других, – святостью, особой категорией религиозной ментальности. Цель исследования – описать структуру и состав христианского сакрального ономастикона.

Одной из особенностей, характерных для религиозного сознания, является идея сакральности, которую можно трактовать как концептуальную категорию религиозного дискурса.

Когнитивный статус имен собственных связан с объемом хранящейся в нем информации. В агонимах как именах собственных, соотносимых с категорией святости и принадлежащих религиозной сфере, содержится историческая, религиоведческая, культурологическая информация. В силу специфики структуры и значения агонимы занимают особое место в лексической системе языка. «Каждой подсистеме свойственна специфическая лексика и особый подбор и оформление собственных имен. Даже имена, казалось бы, единого церковного списка обретают в устах представителей различных социальных и территориальных групп свою специфику» [Суперанская, 2007, 223].

Для религиозной модели мира реальное выделение сакрального ономастического пространства, единого для всех народов, исповедующих данную религию,